

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ОПЫТ КНР

И.В. Данилин

Данилин Иван Владимирович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная ул., д. 23, 117997, Москва, Россия.

E-mail: danilin.iv@imemo.ru. ORCID 0000-0002-4251-1998

Аннотация. Целью исследования является анализ политических и социально-культурных вызовов, связанных с национальными стратегиями развития цифровой экономики на примере КНР (прежде всего, интернет-бизнесов). Новизна определяется тем, что за пределами прикладных исследований телекоммуникационных и отдельных цифровых технологий («облачные» вычисления и пр.) тематика не получила предметного рассмотрения в научной литературе, а сама политика находится в процессе формирования. Исследование построено на анализе научной литературы, статистических и аналитических материалов китайских и международных организаций, официальных документах КНР. Цифровая экономика является одним из приоритетов КНР (как фактор преодоления долгосрочных вызовов развития), а госполитика эволюционирует от развития инфраструктуры Интернета к максимизации экономического и социального потенциала цифровой экономики. Проблемой является коррекция моделей госполитики. Скорость развития рынков и технологий опережает способность государства к адекватной реакции, а усилия «цифровых гигантов» (BAT — Baidu, Alibaba и Tencent) лишь частично корректируют ситуацию. Но, главное, цифровые рынки слабо вписываются в логику «догоняющего развития»: технологии и практики только нарабатываются, инновационные экосистемы и цифровой бизнес нельзя эффективно развивать полудирективными методами, инструменты политики адаптированы скорее к промышленным задачам. Даже успех BAT можно объяснить отсутствием систематического регулирования. Развитие госполитики требует институциональных и политических преобразований и нового консенсуса элит, особенно учитывая связь цифровой экономики с социально-экономическими целями партии и правительства. Значимы и социальные вызовы за пределами «цифрового разрыва» (между КНР и ведущими странами, и внутри КНР), чреватого нарастанием диспропорций развития. Компетенции населения и предпринимателей недостаточны для перехода к зрелому цифровому обществу, что усугубляется такими аспектами, как госконтроль за Интернетом. Госполитика в данном отношении находится на зачаточном уровне, а ее успех определит потенциал цифровой экономики КНР и сопутствующие эффекты развития.

Ключевые слова: цифровая экономика, государственная политика, онлайн-рынки, цифровые бизнесы, цифровой разрыв, институты

Формирование цифровой экономики (UNCTAD, 2017; OECD, 2017) — в расширительном понимании термина — является одним из магистральных трендов как технологического, инновационного, так и социально-экономического развития. Но, обещая существенные выгоды для общества и экономики, данный процесс создает также серьезные вызовы для регулирования общественно-политических и социально-культурных процессов и сам, в свою очередь, оказывается подвержен их влиянию. Формально наиболее очевидными и одновременно самыми спорным являются долгосрочные последствия для рынка труда (Капелюшников, 2017; Садовая, 2018). Однако огромное значение имеют также вопросы институционального развития, развития человеческого капитала и социальной сферы, проблемы

Автор выражает благодарность М.П. Готовой за помощь в переводе документов с китайского языка.

цифрового равенства, формирования общественной политики, международных отношений и пр. Их решение, в том числе посредством взаимодействия с бизнесом и обществом, создания необходимых условий и иных мер, должно стать предметом государственной политики на перспективу.

Особый интерес в контексте развития цифровой экономики и возникающих в данном отношении проблем представляет опыт КНР. С одной стороны, по масштабу и глубине проникновения различных информационно-коммуникационных технологий в экономические, социальные и управленческие процессы (цифровизация) Китай существенно отстает от развитых стран и даже некоторых развивающихся. С другой — китайский рынок уникален тем, что в отдельных и объемно крупных областях, таких, как онлайн-торговля, создание и распространение новых технологий, внедрение цифровых бизнес-моделей и иные процессы идут с огромной скоростью, а сама КНР оказывается мировым лидером (OECD, 2017; Чжан, 2017; Ревенко, 2017). Этот факт, как и то, что Китай является одной из ведущих глобальных экономик, дает основания оценивать его опыт в рассматриваемой области как принципиально значимый для изучения. Причем, как будет показано далее, целый ряд вызовов, с которыми сталкивается быстрорастущая китайская цифровая экономика, явно имеет универсальный характер. А их учет важен, в том числе и для России, особенно в контексте ее очередной попытки ликвидировать технологический и экономических отрыв от наиболее развитых стран — на этот раз за счет цифровых технологий.

Государственная политика КНР по развитию цифровой экономики: от инфраструктуры к инновациям

Цифровые технологии и, шире, цифровая трансформация экономики являются одним из наиболее важных приоритетов развития КНР. Причины этого очевидны. Во-первых, это вклад цифровых рынков в ВВП страны. В 2017 г. общий объем цифровых рынков КНР составил приблизительно 3,8 трлн. дол. США (26,7 трлн. юаней), или около 32,3% ВВП (Чжан, 2017; Tencent Research Institute, 2018). При этом цифровизация промышленности и экономики в целом, в том числе в идеологии «четвертой промышленной революции», рассматривается китайским руководством как один из ключевых ответов в преодолении вызовов, связанных с замедлением темпов роста экономики из-за недостаточно высокого качества институтов и человеческого капитала при росте цены рабочей силы (Li, 2018; World Economic Forum, 2018).

Как следствие, с середины 2000-х гг. китайское руководство уделяет все большее внимание цифровой тематике. Хотя формальный старт китайской политики по развитию цифровых отраслей и систем — от компьютерных производств до мобильных коммуникаций и Интернета, следует отнести к 1980-м — началу 1990-х гг., отправной точкой китайской политики по обеспечению именно цифровой трансформации экономики можно считать 2006 г., когда появляются первые рамочные документы, формулирующие принципы и основные направления усилий государства по данному направлению. От задач сокращения «цифрового разрыва» внутри страны и между КНР и ведущими странами мира (модернизация) за счет прежде всего развития инфраструктуры Интернета (Yu et al., 2012; Kshetri, 2016; Xia, 2016, Ревенко 2017) китайская политика эволюционировала к логике максимизации потенциала новых рынков, технологическому развитию, улучшения биз-

нес-климата и получению иных экономических и социетальных выгод, связанных с цифровой экономикой.

Еще в 2006 г. была обнародована «Стратегия по информатизации страны на 2006–2020 годы», охватывающая широкий спектр задач: всестороннюю оптимизацию информационных технологий, развитие сферы информационной безопасности, трансформацию традиционных отраслей промышленности за счет сферы информационных услуг, развитие электронного правительства, информатизацию системы образования, здравоохранения и социального обеспечения (China.org.cn, 2008). Стратегия имела скорее общеполитическое значение, являясь сигналом для ключевых субъектов о готовности правительства активно поддерживать новые направления на обозримую перспективу и основных приоритетах. Так, документ не предусматривал конкретных шагов и показателей, ограничиваясь общими требованиями по укреплению, развитию и совершенствованию усилий. А некоторые наиболее значимые направления, такие как сектор электронной коммерции, в Стратегии вообще не упоминаются (на тот момент находились в Китае на начальной стадии развития).

Другим важнейшим документом этого периода стал базовый для научно-технологической политики КНР «Средне- и долгосрочный план развития науки и технологий до 2020 года» (2006 г.), который в части цифровых технологий закрепил тренд на рассмотрение вопросов развития Интернета в связке с вопросами социального развития.

Определив контуры и приоритеты будущей политики, руководство страны приступило к детализации мер в плановых документах. Так, 12-м пятилетним Планом (2011–2015 гг.) была предусмотрена комплексная информатизация (Kshetri, 2016). Помимо развития базовой цифровой инфраструктуры (мобильные сети, широкополосный Интернет и т.д.) данное понятие подразумевало также социально-экономическую информатизацию, включая развитие электронной коммерции, системы электронных платежей, а также электронных государственных сервисов.

В развитие 12-го пятилетнего Плана, в мае 2012 г. Министерством промышленности и информационных технологий КНР был принят отраслевой план по развитию инфраструктуры широкополосной сети с ожидаемым объемом инвестиций в 1,6 млрд. юаней (China Center for Information Industry Development, 2011). Интенсивные усилия принесли свои плоды: целевые показатели были превышены, так что к 2016 г. число абонентов широкополосной сети в КНР составило рекордные 259 млн. чел., а количество пользователей в сельских районах увеличилось более чем в 1,5 раза — с 40,7 млн. в 2012 г. до 63,9 млн. в 2015 г. (National Bureau of Statistics of China, 2016).

В 2013 г. Госсоветом КНР была утверждена новая стратегия «Широкополосный Китай», рассчитанная на период до 2020 г. (Портал центрального правительства КНР, 2013). К 2020 г. предполагалось значительно сократить разрыв между Китаем и развитыми странами в уровне развития широкополосной сети, позволив всем гражданам в полной мере пользоваться ее благами. Общее количество пользователей Интернета должно было достигнуть 850 млн. чел. Впрочем, к 2015 г. промежуточных целей Стратегии достичь не удалось, хотя число пользователей увеличилось и составило 688 млн. чел. К тому же отставание темпов реализации программы уже было не столь принципиальным в силу выраженной тенденции к росту числа пользователей мобильного Интернета, доля которых в 2015 г. составила 90,1% от общего числа интернет-пользователей (China Internet Network Information Center, 2016).

На фоне бурного роста рынков электронной коммерции и взаимосвязанных услуг, а также общего изменения социально-экономической ситуации в стране приблизительно в 2015 г. руководство КНР перешло к переосмыслению вопросов развития цифровой сферы. Вместо сугубо технических, инфраструктурных показателей на первый план выходят задачи, связанные с получением значимых экономических и рыночных эффектов от уже созданной и строящейся инфраструктуры, усиления позиций новых цифровых лидеров, с развитием технологий.

В 13-м пятилетнем Плате развития инновации — в том числе цифровые — были заявлены как приоритетное направление. А уже в 2015 г. появилось сразу двух крупных проекта. Во-первых, это известная программа «Сделано в Китае 2025» (MERICS, 2016; Li, 2018), направленная в том числе на информатизацию промышленности, развитию «умных фабрик» и других подобных решений. Во-вторых, более значимая в контексте рассматриваемой темы Стратегия «Интернет Плюс» (Портал центрального правительства КНР, 2015; Ревенко, 2017). В программе, в частности, было заявлено об усилении интеграции развития интернета и традиционных отраслей и социально-экономического развития в целом, значимости инноваций и пр. Интернет рассматривается как необходимый элемент и условие более эффективного экономического развития страны, улучшения социальной сферы, предпринимательства, эффективности правительства.

Были подготовлены и различные программно-плановые документы в реализацию 13-го пятилетнего Плана, ключевыми из которых стали «Основы национальной стратегии информатизации» и «Национальный план по информатизации» (2016 г.).

«Основы...» концентрируются на развитии электронной коммерции, но наибольшее внимание уделяют поддержке средних и малых предприятий, развитию инновационных экосистем, технологий и компетенций, открытию мировых рынков. Предусмотрено, что в 2025 г. рынки информационных услуг достигнут 12 трлн. юаней, а объемы электронной коммерции — 67 трлн. юаней (Xinhua, 2016; China copyright and media, 2016).

«Национальный план...» также рассчитан до 2025 г. и соединяет технические и более широкие социально-экономические задачи. Особо стоит отметить 12 приоритетных направлений действий: в частности, развитие электронных правительственных услуг, «умных городов» и «умной энергетики», технологии для сокращения загрязнения окружающей среды («Специальные мероприятия по информатизации «Красивый Китай»), сокращение интернет-бедности, развитие интернет-образования и медицины, а также интернет-культуры (Портал центрального правительства КНР, 2017).

Старт был дан целому ряду научно-технологических, образовательных и иных программ развития (OECD, 2017). Появляются и иные программные, плановые и методические документы, детализирующие или проясняющие положения 13-го пятилетнего Плана развития, такие как Руководство по информатизации государственного сектора (Yongqi, 2016) и т.д.

Развитие цифровой экономики: инструментальный и общественно-политический вызов КНР

Анализ усилий КНР показывает, что проблематику, связанную с национальной цифровой политикой, можно условно разбить на несколько групп вопросов.

Наиболее очевидной проблемой является коррекция существующих моделей государственной политики.

Формально речь идет о сугубо технической корректировке, связанной с наработкой новых инструментов и практик их применения, а также об адаптации системы принятия решений к ситуации, когда развитие рынков и технологий опережает способность государства адекватно реагировать на них. Показательна ситуация, сложившаяся вокруг развития электронной коммерции в КНР. Хотя Китай является одним из мировых лидеров в данной сфере, ее регулирование явно отстает от потребностей данной сферы (Xia, 2016; Чжан, 2017). Частично ситуацию пытаются корректировать крупнейшие отраслевые игроки, так называемая триада BAT (Baidu, Alibaba и Tencent), владеющая ключевыми сервисами — от социальных сетей до платных систем, что, в частности, проявилось в их активном участии в разработке программы «Интернет Плюс» и иных инициатив правительства. Однако сказать, что проблема решена, было бы неверно: бюрократический аппарат реагирует медленно в сравнении с динамикой рынка.

Но для КНР проблема носит более системный характер. Дело в том, что само по себе формирование новой политики оказывается существенной проблемой, так как речь идет не о простом совершенствовании, но о необходимости изменения самих подходов к формированию и реализации политики.

Традиционно китайская политика в сфере коммуникаций и цифровых решений реализовывалась в характерной логике, основанной на существующем опыте промышленной политики и представлениях элит о национальных интересах КНР. Первично обеспечивалась модернизация и системные эффекты за счет распространения доступных зарубежных технологий (политика диффузии — через импорт и/или прямые иностранные инвестиции). Затем — или параллельно — импортозамещение по приоритетным направлениям и копирование технологий для создания аналогов (политика целевого развития — mission-oriented policy) (Yu et al., 2012). При этом абсолютно доминировали технационалистические акценты (Xia, 2016), что было обусловлено как объективными причинами (необходимость повышения качества роста и развития национальной экономики), так и субъективными, например, недоверием властей к западным поставщикам (Kshetri, 2016).

Однако новые цифровые рынки не вполне корректно вписываются в эту «договоряющую» логику. Лучшие технологические решения и практики только нарабатываются, так что определить, что же надо распространять и импортозамещать не всегда возможно. Одновременно передовые рубежи цифровой экономики в силу распределенного характера инновационных экосистем и специфики ведения бизнеса вряд ли могут эффективно регулироваться полудирижистскими методами и поддерживаться за счет мобилизационных мероприятий и ограничений импорта, столь характерных для китайской госполитики развития. На эти инструментальные дилеммы указывает даже прежний опыт развития полупроводниковой продукции КНР, не говоря о таких кейсах, как разработка национального стандарта 3G, а также проблемы, связанные с диффузией цифровых технологий в различных отраслях экономики (Yu et al., 2012; Amiri et al., 2013; Merics, 2016; Xia, 2016; McKinsey Global Institute, 2017).

В данном отношении важен опыт BAT. Безусловно, ограничения на деятельность западных конкурентов (от Facebook до Visa и Mastercard) и иная господдержка сыграли объективно положительную роль в их росте (Asia Business Council, 2015;

Ferracane and Lee-Makiyama, 2017). Но успехи BAT и иных цифровых компаний нового поколения в значительной мере были связаны со спецификой китайского рынка, а также как раз с отсутствием систематического, жесткого регулирования, возможностью вольной интерпретации некоторых существующих положений госполитики (Xia, 2012; Amiri, 2013; Xia, 2016; McKinsey Global Institute, 2017). Все это дало бизнесу возможность сформировать оптимальные условия хозяйствования в диалоге с партийно-политической бюрократией. Впрочем, существует и обратная точка зрения на ведущую роль регулирования в развитии сектора (Hongfei, 2017), хотя, по нашему мнению, даже по указанной работе видно, что регулирование было сформировано после того, как тренды уже были намечены.

В новых условиях даже изменение инструментария оказывается вызовом, так как существующая система государственного целеполагания, бюджетирования и контроля/мониторинга мероприятий рассчитана скорее на классические промышленные процессы и традиционные исследования и разработки, а не на многоаспектные и далеко не всегда линейные цифровые инновационные процессы. Последнее, кстати, подтверждается и для других стран (в частности, США и РФ) и разных групп наиболее передовых технологий (Данилин и Мамедьяров, 2016; Bonvillian, 2017).

Все эти вызовы, по нашему мнению, являются производными от проблемы более высокого уровня, а именно гибкости и адаптивности элит и институтов к новым реалиям цифровой экономики в контексте оценки цифровых рынков и развития институтов рынка и системы управления КНР.

В современных китайских реалиях цифровые отрасли и рынки призваны стать не просто еще одним приоритетом, но выполнить более масштабные социально-экономические задачи. Это ведет к мультипликации задач хозяйствующих субъектов и изменению их статуса как агентов развития, а также росту инвазий государства — как следствие увязки цифровой повестки с авторитетом партии как драйвера развития, легитимации ее позиций и пр. (Xia, 2012; Kshetri, 2016). В этой ситуации утеря контроля или неудачи в цифровой сфере оказываются не экономической проблемой, но вопросом более высокого порядка, и в этом качестве связанной с общей динамикой реформирования властных структур и общественно-политических процессов в КНР. На данный момент эта проблематика не так остра благодаря хорошему ресурсному обеспечению политики и положительной динамике в экономике, а равно как и достаточно раннему периоду развития истинно цифровых рынков. При этом налицо вполне традиционный выбор группы национальных чемпионов как ключевых агентов развития, более управляемых и ответственных (в контексте мультипликации задач), чем некие не вполне понятные чиновникам инновационные сообщества и сети. Как следствие, на данный момент наиболее сложной проблемой является раздел сфер и борьба за влияние в партийно-политической системе между олигополистическими группировками: частью госкомпаний, которая связана с цифровыми рынками (преимущественно в телекоммуникационной сфере — China Telecom, China Mobile, China Unicom), крупными частными производителями цифровой потребительской техники (Xiaomi, Huawei и пр.) и интернет-гигантами BAT, а также взаимосвязанные вопросы автономии управления, политического комплайенса во взаимоотношениях с государством, продавливания повестки развития и т.п.

В будущем, однако, развитие перспективных технологических и инновационных областей и их глобальная экспансия потребует серьезных институциональных и политических изменений и новой культуры управления. Партийно-бюрократическая система «государства развития», успешно обслуживавшая нужды экономического роста КНР на «догоняющей» стадии и подъема промышленности, конечно, требует серьезной модификации. Что уже очевидно на примере кейса электронной торговли и роста BAT, где регулирование и в целом госполитика (включая ее проекции на госкомпании) либо сознательно, либо вынужденно оставила новой цифровой триаде почти десятилетие на эксперименты, явно не успевая реагировать на изменения в сфере цифровой экономики и не вполне понимая их характер (Xia, 2016; Чжан, 2017; McKinsey Global Institute, 2017). Эти перемены, в свою очередь, потребуют болезненного переосмысления и перестройки ключевых политических и управленческих процессов в экономической сфере (и сопутствующих общественно-политических решений). Речь идет о снижении уровня ответственности государства и партии за развитие связанных с этим практик проекции внеэкономических соображений на хозяйствующих субъектов, общего изменения системы отношений с бизнесом, в том числе перераспределение фактических полномочий по определению будущих стратегий и системы связей элит за пределами существующей модели рентной увязки интересов политических и бизнес-игроков (Xia, 2012; Xia, 2016).

Предметные изменения и готовность к ним китайских элит не до конца понятны и являются отдельным исследовательским вопросом. Одни из характерных вопросов в данном отношении — проблематика цензуры и контроля над Интернетом: от соцсетей и «великого китайского файервола»² до использования онлайн-приложений в реализации системы социальных рейтингов. За пределами фильтрации контента контроль над интернет-системами стал институционализироваться с 2010 г. (Портал центрального правительства КНР, 2011; Amiri et al., 2013; Kshetri, 2016). Опустим этические и общеполитические вопросы относительно свободы слова в интернет-пространстве, а также явно спекулятивные оценки влияния цензуры/контроля на рост онлайн-бизнеса. Но все же следует признать как минимум частично справедливой точку зрения о противоречивости политики КНР по развитию цифрового пространства и общества и стремления к сохранению достаточно жесткого контроля над цифровым пространством. Эту мысль очень рельефно, хотя и гиперболизировано, высказал обозреватель «South China Morning Post» Дж. Чен: «Если Пекин упустит из виду эти соображения [развития свободы в Интернете. — прим. авт.] и продолжит ограничивать доступ к информации, новая стратегия «Интернет Плюс» Премьера Ли [Кэцзяня] скорее обеспечит рост числа китайцев, делающий покупки онлайн, нежели какое-либо масштабное и долгосрочное воздействие на давно ожидаемое экономическое преобразование страны» (Chen, 2015).

Попытки изменить модель политики предпринимаются, причем это заметно даже на программном уровне. Например, по сравнению с классической иерархической схемой формирования и реализации «Сделано в Китае 2025» программа «Интернет Плюс» структурировалась изначально как инициатива снизу (MERICS, 2016), как можно понять, не без влияния интернет-гигантов BAT. Однако опять же

² Система, обеспечивающая контроль доступа китайских граждан к нежелательному контенту с зарубежных интернет-ресурсов.

идет ли речь о характерной для КНР сугубо инструментальной адаптивности несовершенных норм к новым условиям (Xia, 2012), лоббизме ВАР, которым дарована высокая степень автономии, или же о более существенных институциональных изменениях, на данный момент сказать сложно.

Социальный вызов: за пределами доступа к сети

За пределами сугубо политических факторов, наиболее серьезным вопросом является «цифровой разрыв» и, шире, социальные аспекты построения цифровой экономики КНР.

Хотя число китайских интернет-пользователей уже в два раза превышает лидирующую экономику мира — США, по состоянию на 2017 г. доступ к Интернету имело лишь 55,8% жителей Китая (в США — около 90%) (China Internet Network Information Center, 2018). Причем данный показатель достигнут лишь недавно за счет быстрого роста рынка мобильных услуг и инфраструктуры фиксированного доступа к широкополосному Интернету.

Но несмотря на все усилия госструктур, сохраняется качественный разрыв в доступе к Интернету между городскими и сельскими районами и, что не менее важно, между наиболее развитыми восточными и прочими провинциями, хотя здесь отмечается постепенное улучшение ситуации (Song, 2008; Liu et al., 2017; China Internet Network Information Center, 2018; China Statistical Report on Internet Development 2017; People.cn, 2018). Причем это заметно не только в части физического доступа к цифровым услугам, но и по возможностям эксплуатации преимуществ цифровой экономики, включая развитие цифровых стартапов — двигателей и значимых агентов рынков цифровой экономики, и кадров (China Internet Network Information Center, 2018; People.cn, 2018). Очевидно, что ситуация сохранится и на перспективу, что усиливает и так серьезные диспропорции социально-экономического развития страны.

Невысок и уровень проникновения и использования цифровых технологий в бизнесе (Kshetri, 2016; McKinsey Global Institute, 2017).

Хотя во многом проблема «цифрового разрыва» объясняется все еще недостаточным уровнем развития инфраструктуры, по мере реализации сверхамбициозных планов по развитию систем широкополосного и ускоренных темпов распространения мобильного Интернета новых поколений выясняется, что значимым барьером на пути распространения цифровых возможностей являются социально-культурные факторы, включая способы ведения бизнеса.

Например, авторы отмечают непонимание китайскими предпринимателями потенциала цифровых решений кроме оптимизации издержек, страха перед аутсорсингом как угрозой утери информации (особенно для госпредприятий, хотя постепенно меняется под давлением административных мер китайского правительства) и т.д. (Kshetri 2016; Loo and Wang, 2017).

Аналогичная ситуация наблюдается на бытовом уровне. По экспертным оценкам, большинство граждан Китая не используют активно Интернет не из-за отсутствия доступа к связи, а из-за недостатка знаний о соответствующих технологиях и возможностях. Доля таких лиц среди 611 млн. жителей, не пользующихся Интернетом, в 2017 г. составила 53,5% (!), из них лишь 8% говорят об отсутствии для этого необходимых устройств (China Internet Network Information Center, 2018). В основном это жители сельских районов. Но и в городах свою роль, видимо, играет социальное неравенство, включая доступ к современной системе

повышения компетенций, несмотря на активные усилия КНР в сфере профессионального образования в цифровой сфере и информатизации школ (OECD, 2017). В Китае по-прежнему главным потребителем цифровых технологий является быстрорастущий средний класс — горожане, в основном из Восточных провинций, преимущественно предприниматели и занятые на средне- и высокотехнологичных производствах. Но и здесь не все очевидно за пределами распространения соцсетей и онлайн-шопинга.

Даже не говоря о масштабе проблемы, вызовом является то, что государственная политика все еще ориентирована на решение инфраструктурных задач и обеспечение экономического роста благодаря эффектам цифровой экономики. То есть налицо недостаточность как социо-культурных, так и политических механизмов адаптации населения к возможностям и требованиям цифровой экономики, включая образовательную сферу (Loo and Wang, 2017; Ревенко, 2017), даже за пределами пока игнорируемых вызовов для рынка труда. Причем насколько можно понять, ситуация только усугубляется вопросами контроля Интернета. Очевидно, что сейчас и на перспективу это останется одним из значимых сдерживающих факторов на пути формирования зрелого цифрового общества и грозит появлением новых разделительных линий в социальной сфере.

* * *

Развитие цифровой экономики — новый фронт экономического и социально-культурного роста, а также новый вызов для политической системы. Не впадая в технологический детерминизм, можно все же утверждать, что от того, насколько эффективными и успешными окажутся национальные практики развития в цифровой сфере, будет в немалой мере зависеть будущность отдельных стран и обществ в глобальной экономической и политической системе. Эти слова в полной мере относятся и к КНР, что вполне четко осознается китайскими властями, тем более на фоне исчерпания возможностей эксплуатации фактора отсталости как драйвера развития экономики Китая.

СМИ и аналитические доклады пестрят сведениями о технологических прорывах и иных достижениях Китая, и мы ни в коей мере не собираемся оспаривать достижения КНР в сфере технологического импортозамещения и развития отдельных новых прорывных направлений. Однако не технологии и даже не сами бизнес-модели оказываются основным вызовом цифровой экономике в КНР. Одним из ключевых моментов выступает политическая и, шире, институциональная трансформация КНР, связанная как с переходом от модели инвазивной политики государства [догоняющего] развития к более гибким практикам и моделям, отвечающим, например, логике управления на основе ожиданий (anticipatory governance), кооперативно-коммуникативной парадигме промышленной политики (как и иных областей политического действия) и т.д. Это требует выработки нового договора элит и обеспечивающих сложных, болезненных общественно-политических дискуссий и процессов, а равно и новых условий взаимодействия различных социальных групп и групп интересов, что в текущей ситуации явно осложнено.

Отдельным вопросом являются социально-культурные процессы. С одной стороны, цифровое развитие требует ускоренного формирования и диффузии новой культуры и практик, что требует в том числе оптимизации системы межгрупповых коммуникаций. Эта система требует определенной модернизации, учитывая

актуальность «цифрового разрыва» и развития контроля над Интернетом. С другой стороны, цифровая экономика и сама по себе предполагает существенные перемены (Садовая, 2018), так что игнорирование или недостаточное внимание к социальным диспропорциям, изменениям на рынке труда и в культуре может иметь сложно определимые, но серьезные последствия. Это касается не только проблем инклюзивности роста и качества жизни, но и эффективности развития КНР как инновационной державы, социальной стабильности и адаптивности Китая к изменениям. Ситуация соответствует концептам социотехнических систем и в целом логике социально-экономических, а не технократических оценок развития перспективных инновационно-технологических доменов, в частности, цифровых.

Итак, опыт цифровой политики Китая в данном случае уникален. За счет эффекта масштаба и скорости развития отдельных рынков, компаний и технологий многие проблемы и процессы здесь выглядят наиболее рельефно. В силу этого требуется дальнейшее и систематическое изучение как экономических, так и политических и социокультурных процессов цифровой трансформации КНР.

Библиографический список

- Данилин, И. В., Мамедьяров, З. А. (2016). Национальная технологическая инициатива: новый фокус и вызовы реализации российской инновационной политики. В. Г. Барановский (ред.) *Год планеты. Вып. 2016 г.: экономика, политика, безопасность*. (121–131). М.: Идея-Пресс.
- Капелюшников, Р. (2017). Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? *Вопросы экономики*, 11, 111–140.
- Портал центрального правительства КНР (2011, 16 марта). 国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要(全文) [Двенадцатый пятилетний план социально-экономического развития Китая]. Режим доступа http://www.gov.cn/2011lh/content_1825838_4.htm
- Портал центрального правительства КНР (2013, 17 августа). 国务院关于印发“宽带中国”战略及实施方案的通知 [Национальная стратегия распространения широкополосного интернета в Китае]. Режим доступа http://www.gov.cn/zwzgk/2013-08/17/content_2468348.htm
- Портал центрального правительства КНР (2015, 4 июля). 国务院关于 积极推进“互联网+”行动的指导意见. 国发〔2015〕40号2015 [Руководство Государственного совета по активному продвижению стратегии «Интернет плюс»]. Режим доступа http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-07/04/content_10002.htm
- Портал центрального правительства КНР (2017). 国务院关于印发“十三五”国家信息化规划的通知 [Тринадцатый национальный пятилетний план по распространению информационных технологий]. Бюллетень Государственного Совета. № 2. Режим доступа http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5160221.htm
- Ревенко, Н. С. (2017). Цифровая экономика Китая: новый этап экономического развития страны. *Информационное общество*, 4–5, 43–50.
- Садовая, Е. С. (2018). Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений. *Южно-Российский журнал социальных наук*, 19 (3), 6–20.
- Чжан, Д. (2017). Современное состояние цифровой экономики в Китае и перспективы сотрудничества между Китаем и Россией в данной области. *Власть*, 9, 37–43.
- Amiri, S., Campbell, S. D. & Ruan, Y. (2013). China's Government Expenditures, Policies, and Promotion of the ICT Industry. *International Journal of Applied Science and Technology*, 3 (1), 7–18. Режим доступа http://www.ijastnet.com/journals/Vol_3_No_1_January_2013/2.pdf
- Asia Business Council (2015). China's Digital Economy Goes Global. Режим доступа <http://www.asiabusinesscouncil.org/docs/ChinaDigital.pdf>

- Bonvillian, W. B. (2017). Advanced Manufacturing: A New Policy Challenge. *Annals of Science and Technology Policy*, 1 (1), 1-131. DOI: <http://dx.doi.org/10.1561/110.00000001>
- Chen, G. (2015, March 8). Can Li Keqiang's Internet Plus strategy really save China? South China Morning Post. Режим доступа <https://www.scmp.com/business/china-business/article/1732704/can-li-keqiangs-internet-plus-strategy-really-save-china>
- China Center for Information Industry Development (2011, October 13). 宽带网“十二五”规划完成投资16000亿. [В рамках 12-й Пятилетки совокупный объем инвестиций в широкополосную сеть составит 1,60 млрд. юаней]. Режим доступа <http://www.ccidgroup.com/xxh/2108.htm>
- China Copyright and Media (2016, July 30). Outline of the National Informatization Development, China Copyright and Media. Режим доступа <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/07/27/outline-of-the-national-informatization-development-strategy>
- China Internet Network Information Center (2016). Statistical Report on Internet Development in China. Режим доступа <https://cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/201604/P020160419390562421055.pdf>
- China Internet Network Information Center (2017). Statistical Report on Internet Development in China. Режим доступа <https://www.cnnic.cn/hlwfzyj/hlwxbzg/hlwtjbg/201701/P020170123364672657408.pdf>
- China Internet Network Information Center (2018). 中国互联网发展状况统计报告(2018年1月) [41-й статистический отчет по развитию Интернета в Китае]. Режим доступа <http://www.sac.gov.cn/files/pdf/cnnic/CNNIC41.pdf>
- 年国家信息化展略» (全文) [Национальная стратегия развития информатизации 2006-2020гг. (полный текст)]. Режим доступа <http://www.china.com.cn/chinese/PI-c/1203246.htm>
- Ferracane, M. F., Lee-Makiyama, H. (2017). *China's technology protection and its non-negotiable rationales*. The European Centre for International Political Economy (ECIPE). Режим доступа <http://ecipe.org/app/uploads/2017/06/China-Tech-Protectionism.pdf>
- Hongfei, Y. (2017). *National Report on E-Commerce Development in China. Inclusive and Sustainable Industrial*. Development Working Paper Series WP 17. United Nations Industrial Development Organization. Vienna. Режим доступа https://www.unido.org/sites/default/files/2017-10/WP_17_2017.pdf
- Kshetri, N. (2016). Institutional and economic factors affecting the development of the Chinese cloud computing industry and market. *Telecommunications Policy*, 40, 116–129. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.telpol.2015.07.006>
- Li, L. (2018). China's manufacturing locus in 2025: With a comparison of “Made-in-China 2025” and “Industry 4.0”. *Technological Forecasting & Social Change*, 135, 66–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2017.05.028>
- Liu, H., Fang, C. & Sun, S. (2017). Digital inequality in provincial China. *Environment and Planning A*, 49 (10), 2179–2182. DOI: 10.1177/0308518X17711946
- Loo, B.P.Y. & Wang, B. (2017). Progress of e-development in China since 1998. *Telecommunications Policy*, 41, 731–742. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2017.03.001>
- McKinsey Global Institute (2017). *China's digital economy: A leading global force*. Discussion Paper. Режим доступа <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Featured%20Insights/China/Chinas%20digital%20economy%20A%20leading%20global%20force/MGI-Chinas-digital-economy-A-leading-global-force.ashx>
- MERICs (2016). *Made in China 2025*. Mercator Institute for China Studies (MERICS). Papers on China. Режим доступа <https://www.merics.org/en/papers-on-china/made-china-2025>
- National Bureau of Statistics of China. (2016). *China Statistical Yearbook 2016*. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexeh.htm>
- OECD (2017). *OECD Digital Economy Outlook 2017*. Paris. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en>

- Официальный сайт People.cn. (2018, March 25). 中国数字经济发展呈现明显的省域差异. [Цифровая экономика Китая показывает очевидные различия в провинциях]. Режим доступа <http://it.people.com.cn/n1/2018/0325/c1009-29887206.html>
- Song W. (2008). Development of the Internet and Digital Divide in China: A Spatial Analysis. *Intercultural Communication Studies*, 17 (3), 20–43.
- Tencent Research Institute (2018, April 12–13). *Report on “Internet plus” Digital economic summit*. Режим доступа <http://www.tisi.org/5025>
- UNCTAD (2017). *World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy*. Geneva. Режим доступа http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf
- World Economic Forum (2018). *Financing a Forward-Looking Internet for All*. White Paper. Режим доступа http://www3.weforum.org/docs/WP_Financing_Forward-Looking_Internet_for_All_report_2018.pdf
- Xia, J. (2012). Competition and regulation in China’s 3G/4G mobile communications industry—Institutions, governance, and telecom SOEs. *Telecommunications Policy*, 36, 503–552. DOI: 10.1016/j.telpol.2011.11.026
- Xia, J. (2016). Convergence and liberalization in China’s ICT sector: New market and new ecosystem. *Telecommunications Policy*, 40, 81–88. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.telpol.2015.12.002>
- Xinhua (2016, July 28). Outline of the National Informatization Development Strategy, 2016. Режим доступа http://www.xinhuanet.com/info/2016-07/28/c_135546104.htm
- Yongqi, H. (2016, Dec.13). Nation to build a system integrating data and information resources. China Daily, Режим доступа http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/13/content_27651335.htm
- Yu, J., Zhang, Y. & Gao, P. (2012). Examining China’s technology policies for wireless broadband infrastructure. *Telecommunications Policy*, 36, 847–857. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.telpol.2012.08.009>

Статья поступила в редакцию 2.11.2018

Статья принята к публикации 26.11.2018

Для цитирования: Данилин И.В. Политические и социальные вызовы развития цифровой экономики: опыт КНР. – Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 4. С. 25–39.

POLITICAL AND SOCIAL CHALLENGES OF DIGITAL ECONOMICS DEVELOPMENT: CASE OF CHINA

I.V. Danilin

Ivan V. Danilin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia, E-mail: danilin.iv@imemo.ru. ORCID 0000-0002-4251-1998

Abstract. The article analyses political and socio-cultural challenges of digital economics development as exemplified by PRC e-business. The novelty of the research is determined by the absence of sufficient coverage of telecommunications and other digital technologies (such as cloud computing, etc.) in literature, and due to the fact that the subject area is still on the make. The analysis is based on the study of relevant literature, Chinese and international statistical and analytical data and PRC official records. Digital economics as a factor of overcoming long-term challenges of progress is among PRC top priorities, while the state policy evolves from bridging the gap between digital divide and maximization of economic and social potential of digital economics. The adjustment of state policy models is also a serious problem. The rate of changes in the sphere of markets and technologies outpaces the state’s adequate reaction, and the efforts of such “digital giants” as BAT (Baidu, Alibaba and Tencent) are able to modify the situation but in part only. The principal thing is that digital markets fail to fit into the “catch-up” model because technologies and practices are only emerging, innovative ecosystems and digital businesses cannot grow effectively with the help of dirigiste methods of management,

and political tools are aimed at industrial development. The BAT's success is basically due to the lack of systematic regulation. Advances in state policy require institutional and political transformations as well as the new elites' consensus, in view of the close connection between digital economics and socio-economic goals of the party and the governance. The state policy is at its early stage yet. But its success will determine the future of Chinese digital economics and the attendant results of its development.

Keywords: digital economy, national policy, online markets, digital divide, digital business, institutions

DOI: 10.31429/26190567-19-4-25-39

References

- Amiri, S., Campbell, S. D. & Ruan, Y. (2013). China's Government Expenditures, Policies, and Promotion of the ICT Industry. *International Journal of Applied Science and Technology*, 3 (1), 7-18. Retrieved from http://www.ijastnet.com/journals/Vol_3_No_1_January_2013/2.pdf
- Asia Business Council (2015). China's Digital Economy Goes Global. Retrieved from <http://www.asiabusinesscouncil.org/docs/ChinaDigital.pdf>
- Bonvillian, W. B. (2017). Advanced Manufacturing: A New Policy Challenge. *Annals of Science and Technology Policy*, 1 (1), 1-131. DOI: <http://dx.doi.org/10.1561/110.00000001>
- Chen, G. (2015, March 8). Can Li Keqiang's Internet Plus strategy really save China? *South China Morning Post*. Режим доступа <https://www.scmp.com/business/china-business/article/1732704/can-li-keqiangs-internet-plus-strategy-really-save-china>
- China Center for Information Industry Development (2011, October 13). 宽带网“十二五”规划完成累计投资16000亿. [During the 12th Five-Year Plan the Cumulative Investment in the Broadband Network will be 1.60 Billion Yuan]. Retrieved from <http://www.ccidgroup.com/xxh/2108.htm>
- China Copyright and Media (2016, July 30). Outline of the National Informatization Development, China Copyright and Media. Retrieved from <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/07/27/outline-of-the-national-informatization-development-strategy>
- China Internet Network Information Center (2016). Statistical Report on Internet Development in China. Retrieved from <https://cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/201604/P020160419390562421055.pdf>
- China Internet Network Information Center (2017). Statistical Report on Internet Development in China. Retrieved from <https://www.cnnic.cn/hlwfzyj/hlwzxbg/hlwtjbg/201701/P020170123364672657408.pdf>
- China Internet Network Information Center (2018). 中国互联网络发展状况统计报告(2018年1月) [41st Statistical Report on Internet Development in China]. Retrieved from <http://www.cac.gov.cn/files/pdf/cnnic/CNNIC41.pdf>
- 年国家信息化展略» (全文) [National Strategy for the Informatization 2006-2020]. Retrieved from <http://www.china.com.cn/chinese/PI-c/1203246.htm>
- Ferracane, M. F., Lee-Makiyama, H. (2017). *China's technology protection and its non-negotiable rationales*. The European Centre for International Political Economy (ECIPE). Retrieved from <http://ecipe.org/app/uploads/2017/06/China-Tech-Protectionism.pdf>
- Danilin I. V., Mamed'jarov Z. A. (2016). Natsional'naja tekhnologicheskaja initsiativa: novyj fokus i vyzovy realizatsii rossijskoi innovatsionnoi politiki. [National Technology Initiative: New Focus and Challenges of Realization of Russian Innovation Policy]. In V. Baranovskij (Ed.) *God planety. Vyp. 2016 g.: ekonomika, politika, bezopasnost'* [Year of the Planet. Vol. 2016: Economy, Politics, Security]. (pp.121-131). M.: Ideja-Press.
- Hongfei, Y. (2017). *National Report on E-Commerce Development in China. Inclusive and Sustainable Industrial*. Development Working Paper Series WP 17. United Nations Industrial Development Organization. Vienna. Retrieved from https://www.unido.org/sites/default/files/2017-10/WP_17_2017.pdf

- Kapeljushnikov, R. (2017). Tekhnologicheskij progress – pozhiratel' rabochikh mest? [Technology Progress: a Jobs' Eater?]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 11, 111-140.
- Kshetri, N. (2016). Institutional and economic factors affecting the development of the Chinese cloud computing industry and market. *Telecommunications Policy*, 40, 116–129. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.telpol.2015.07.006>
- Li, L. (2018). China's manufacturing locus in 2025: With a comparison of "Made-in-China 2025" and "Industry 4.0". *Technological Forecasting & Social Change*, 135, 66–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2017.05.028>
- Liu, H., Fang, C. & Sun, S. (2017). Digital inequality in provincial China. *Environment and Planning A*, 49 (10), 2179–2182. DOI: 10.1177/0308518X17711946
- Loo, B.P.Y. & Wang, B. (2017). Progress of e-development in China since 1998. *Telecommunications Policy*, 41, 731–742. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2017.03.001>
- McKinsey Global Institute (2017). *China's digital economy: A leading global force*. Discussion Paper. Retrieved from <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Featured%20Insights/China/Chinas%20digital%20economy%20A%20leading%20global%20force/MGI-Chinas-digital-economy-A-leading-global-force.ashx>
- MERICs (2016). *Made in China 2025*. Mercator Institute for China Studies (MERICs). Papers on China. Retrieved from <https://www.merics.org/en/papers-on-china/made-china-2025>
- National Bureau of Statistics of China. (2016). *China Statistical Yearbook 2016*. Retrieved from <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexeh.htm>
- OECD (2017). *OECD Digital Economy Outlook 2017*. Paris. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en>.
- Official website People.cn. (2018, Mar.25). 中国数字经济发展呈现明显的省域差异. [China's Digital Economy Shows Obvious Differences in Provinces]. Retrieved from: <http://it.people.com.cn/n1/2018/0325/c1009-29887206.html>
- Portal of the PRC Central Government (2011, Mar.16). 国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要 (全文) [Twelfth Five-Year Plan for the Social and Economic Development of China]. Retrieved from http://www.gov.cn/2011lh/content_1825838_4.htm
- Portal of the PRC Central Government (2013, Aug.17). 国务院关于印发“宽带中国”战略及实施方案的通知 [National Strategy for the Diffusion of Broadband Internet in China]. Retrieved from http://www.gov.cn/zwggk/2013-08/17/content_2468348.htm
- Portal of the PRC Central Government (2015, July 4). 国务院关于积极推进“互联网+”行动的指导意见. 国发〔2015〕40号2015 [The Guide of the State Council on the Active Promotion of the Strategy "Internet Plus"]. Retrieved from http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-07/04/content_10002.htm
- Portal of the PRC Central Government (2017). 国务院关于印发“十三五”国家信息化规划的通知 [Thirteenth National Five-Year Information Diffusion Plan]. Bulletin of the State Council, #2. Retrieved from http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5160221.htm
- Revenko N.S. (2017). Tsifrovaja ekonomika Kitaja: novyj etap ekonomicheskogo razvitiya strany [Digital Economy of China: New Stage of the Nation's Economic Development]. *Informatsionnoje obshchestvo*, 4-5, 43-50.
- Sadovaja E.S. (2018). Chelovek v tsifrovom obshchestve: dinamika sotsial'no-trudovykh otnoshenij [People in a Digital Society: Dynamics of Social and Labor Relations]. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 19 (3), 6-20.
- Song W. (2008). Development of the Internet and Digital Divide in China: A Spatial Analysis. *Intercultural Communication Studies*, 17 (3), 20-43.
- Tencent Research Institute (2018, April 12-13). *Report on "Internet plus" Digital economic summit*. Retrieved from <http://www.tisi.org/5025>
- UNCTAD (2017). *World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy*. Geneva. Режим доступа http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf

- World Economic Forum (2018). *Financing a Forward-Looking Internet for All*. White Paper. Режим доступа http://www3.weforum.org/docs/WP_Financing_Forward-Looking_Internet_for_All_report_2018.pdf
- Xia, J. (2012). Competition and regulation in China's 3G/4G mobile communications industry—Institutions, governance, and telecom SOEs. *Telecommunications Policy*, 36, 503–552. DOI: 10.1016/j.telpol.2011.11.026
- Xia, J. (2016). Convergence and liberalization in China's ICT sector: New market and new ecosystem. *Telecommunications Policy*, 40, 81–88. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.telpol.2015.12.002>
- Xinhua (2016, July 28). Outline of the National Informatization Development Strategy, 2016. Режим доступа http://www.xinhuanet.com/info/2016-07/28/c_135546104.htm
- Yongqi, H. (2016, Dec.13). Nation to build a system integrating data and information resources. China Daily, Режим доступа http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/13/content_27651335.htm
- Yu, J., Zhang, Y. & Gao, P. (2012). Examining China's technology policies for wireless broadband infrastructure. *Telecommunications Policy*, 36, 847–857. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.telpol.2012.08.009>
- Zhang D. (2017). Sovremennoje sostojanije tsifrovoj ekonomiki v Kitae i perspektivy sotrudnichestva mezhdru Kitajem i Rossiej v dannoj oblasti [Present-day State of Digital Economy in China and the prospects of cooperation between China and Russia in this area]. *Vlast' [Power]*, 9, 37–43.

Received 2.11.2018

Accepted 26.11.2018

For citation: Danilin I.V. Political and Social Challenges of Digital Economics Development: Case of China. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 25-39.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).